

УДК 821.16.1-94+61
ББК 84(2Рос=Рус)6+5
С59

Научный консультант *Ирина Портнова*,
кандидат медицинских наук, врач-иммунолог
В коллаже на обложке использованы фотографии:
NOK FreeLance, iiphevgeniy / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Соколов, Ярослав Андреевич.

С59 Узнать по глазам : истории о том, что под каждой маской бьется доброе и отзывчивое сердце / Ярослав Соколов. — Москва : Эксмо, 2020. — 304 с. — (Как это было? Медицинские открытия, исторические факты, роковые совпадения и неожиданные закономерности).

ISBN 978-5-04-115644-2

В один день весь мир поставили на «паузу», и мы все оказались героями фильма про жизнь после разрушения. Мы были заперты в своих квартирах, домах, в самих себе. И пока мы боролись с новым распорядком, были те, кто боролся за жизни, те, кто во время пандемии продолжал делать свою работу: врачи, медсестры, волонтеры. Они стесняются называть себя героями, но только их глаза, которые было видно из-под масок, дарили надежду. Эта книга — лакмусовая бумажка на непростом для всех этапе жизни. Здесь собран концентрат чувств, эмоций, боли и любви. Настоящие истории о настоящих людях: инвалид-колясочник, который развил адресную помощь, врач, который одним добрым словом вернул человеку самоуважение, люди, которые не смогли остаться в стороне и приняли решение помогать. Пока они есть — мир точно не рухнет.

УДК 821.16.1-94+61
ББК 84(2Рос=Рус)6+5

ISBN 978-5-04-115644-2

© Соколов Я. А., текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается всем военнообязанным
и «заклятым добровольцам».
Всем, чьи глаза дарят надежду*

Содержание

Предисловие. От автора	7
Благодарности	17
Глава 1. Что произошло с нами в 2020 году: как коронавирус перевернул весь мир с ног на голову	19
Глава 2. История мировых эпидемий, или Как вирусы меняли историю	38
Глава 3. Добро пожаловать на фронт.....	74
Глава 4. Рыцари заботы и подмоги.....	153
Глава 5. COVID-19: мир не будет прежним. Банальность или реальность?	246
Алфавитный указатель	300

Предисловие. От автора

С момента, когда началась самоизоляция в Москве, и до того дня, когда мне позвонили из издательства «Эксмо» и предложили написать книгу, посвященную коронавирусу, прошло чуть больше месяца. На самом деле это предложение не стало для меня чем-то неожиданным, скорее поразило доверие, которое оказало мне издательство, выбрав меня в качестве автора книги на самую острую тему. Но сама последовательность событий ничуть не удивила. Скажу даже больше: я был уверен, что это случится. И вот почему.

У меня под окнами, как, думаю, и у большинства читателей, живущих в бетонных зиккуратах московских многоэтажек, парковка, напрочь заставленная машинами. И вот в один день все эти машины не уехали стоять в пробках. Они остались на своих местах. И на следующий день тоже. И через день. И, казалось бы, велика потеря, ну не уехали и не уехали — в чем проблема-то? Но по факту именно это и оказалось самым страшным для людей вокруг. Помните фильм «Матрица», который заявил, что мы все лежим в неких ваннах, к нашей голове подключен провод и нам транслируют картинки, которые мы и принимаем за реальность? Если использовать терминологию фильма, то вдруг картинку перестали менять, она остановилась, зависла, в системе

произошел какой-то сбой, и развеселый фильмец вдруг застыл на одном кадре, в котором ничего не происходило. Мы вдруг все остались дома, время застыло, ничто вокруг больше не менялось, весь привычный ритм жизни, когда мы мчались в свои офисы, стучали по клавишам клавиатур, пили кофе в перерывах, дружно ходили на бизнес-ланчи, стояли в пробках, ходили по магазинам, вдруг замерло. Картинка больше не менялась. Это состояние назвали «Пандемия страха». Потому что никто не знал, что делать. Я говорю не про медицину, а про тотальное большинство людей, оказавшихся вдруг лицом к лицу со страшным вопросом — что будет дальше, когда все вдруг замерло. У нас вдруг оказалось много времени подумать. И... именно это и оказалось страшным. Потому что мы не просто стали несчастными. Мы ими и были. Просто предпочитали закрывать на это глаза, упиваясь просмотром картинок, которые нам показывают. Тень, от которой мы бежали, вдруг настигла нас жесточайшим образом.

Я помню, как осознал это. И буквально на следующий день мне предложили написать книгу. Казалось, что кто-то почувствовал мои ощущения и предложил поделиться ими.

Я специально начал не с медицинских данных о том, как опасен коронавирус, а именно с описания ситуации, которая сложилась во всем мире. Мир был в опасности не только с точки зрения того, что к нам ворвалась доселе неизвестная болезнь, которую никто не знал, как лечить, но и потому, что привычный мир, по сути дела, рухнул.

И знаете что? Я отказался писать книгу о коронавирусе. На момент моего разговора с издательством все заголовки всех СМИ ежеминутно выдавали тонны информации о пандемии, и писать еще и книгу

об этом не представлялось мне интересным, а главное, нужным хоть кому-то. Хотя, безусловно, можно было бы вполне себе сделать имя на этой теме, но, повторюсь, мне это представлялось и представляется не очень интересным. Я отказался писать книгу о коронавирусе, но решил написать книгу о том, что с нами всеми происходит, о том, где мы вдруг оказались, о том пресловутом состоянии, когда картинка зависла. Моя мотивация была следующей: перед всем человечеством встали вопросы, на которые мы должны ответить, и от правильности наших ответов зависит наше будущее как вида как цивилизации, как *homo sapiens*.

Скажу честно, я не люблю, когда меня называют писателем. И сам себя таковым не считаю. Я волонтер от литературы. Именно чувство долга, обязанность, ответственность двигали мной, когда я решил сделать эту книгу. Моей задачей было предложить хоть какой-то ответ людям, которые вдруг оказались в страшной, неведомой ранее ситуации. Просто чтобы было над чем подумать и, мне был очень хотелось верить, сделать свою жизнь и наш мир лучше. Именно этому и посвящена книга, которую вы держите в руках.

После осознания того, что я должен и обязан сказать об этом, встал вопрос: где же взять информацию? О чем писать? Несмотря на то что информации по коронавирусу было предостаточно — буквально из каждого утюга неслись новые цифры по заболевшим, комментарии экспертов, прогнозы экономистов, размышления аналитиков о том, как изменится мир, — все это было не то. Повторюсь, я не хотел писать о коронавирусе. Мою книгу можно считать посвященной коронавирусу с тем же успехом, как и «Войну и мир» воспринимать как военную журналистику. Пандемия — всего лишь декорации, на фоне которых необходимо было поднять

важнейшие, на мой взгляд, вопросы, рассказать о том, что случилось с нами и миром.

Таким образом, вся информация в открытых источниках не могла быть хоть сколько-нибудь полезной для моей идеи. Решением стало выйти в пекло, «красную зону», на линию фронта, чтобы увидеть все своими глазами и постараться осмыслить происходящее через общение со множеством участников событий.

За месяц мне удалось записать более тридцати интервью с самыми разными людьми: врачи скорой, врачи работающие в больницах, иммунологи, инфекционисты и многие другие. Как Сталкер из одноименного фильма Андрея Тарковского, я буквально исследовал «зону», «красную зону». Если кто-то не знает, что это такое, то расскажу. Впрочем, даже если вы читали в СМИ об этом понятии, вы все равно о нем ничего не сможете узнать, пока не побываете там. «Красная зона» — это линия фронта. И каждый там — солдат, который сражается за будущее планеты Земля. Проблема только в том, что враг невидимый. Его нельзя рассмотреть в бинокль, определить дислокацию, выработать стратегию и тактику ведения боя. Здесь не действуют законы логики, теории вероятностей и тому подобные скучные попытки рационализировать вселенский хаос. Как говорили герои фильма «Сталкер»: «А далеко до этой Комнаты? — По прямой — метров двести. Да только тут не бывает прямых». Там работают люди, у которых есть дети, жены и мужья, желание купить новую машину, съездить в отпуск за границу, посидеть в хорошем кафе и вкусно поесть, поспать лишний часик, — это все у них есть по той простой причине, что они люди. Но помимо стандартного набора базовой комплектации обывателя у них есть еще кое-что: острая необходимость сделать этот мир лучше. В «красной

зоне» нет места философским рассуждениям об относительности всего, нет места мыслям, которыми озабочены почти все: как бы сделать так, чтобы твои доходы были значительно выше расходов — нет там и обезумевшего потребления, которое ведет обывателя по жизни, навязывая ему необходимость покупать каждый год смартфон новой модели. Там вообще все очень просто: есть жизнь и есть смерть. Есть невидимые лапы, вцепляющиеся в глотку и душащие людей. Задача понятна: отбить каждого у этого неведомого чудовища. На самом деле так происходит всегда, это не то, что случилось во время пандемии, нет. Это обычная работа любого доктора. Он всегда на войне, всегда на линии фронта. Просто война бывает вялотекущая, когда обе стороны сидят в окопах и перестреливаются, а бывает, что враг вдруг всеми силами начинает массовое наступление, используя все ресурсы, все оружие, которое у него есть. Наступление обычно локально. И эта локализация и называется «красная зона». Здесь есть только «жизнь» и «смерть». И все, даже самые незначительные, незаметные действия, слова, фразы, направлены на то, чтобы жизнь восторжествовала.

Описанная мной картина не была бы полной — даже наполовину — без еще одной важной части, которая составляет «красную зону». Я говорю о волонтерах, о добровольцах, принявших для себя единственное возможное решение: быть на передовой сражения со смертью. Давно, когда я был маленьким, мой дедушка рассказывал, как в 1941 году, когда ему было лет двенадцать, когда немцы стояли под Москвой, он со своими товарищами по двору принял решение: когда немец пойдет на город, они выйдут на улицу и будут всеми доступными средствами отбиваться, пока не погибнут. Когда я слушал это, мне казалось, что это так давно

было, что такого больше не случится, что это все дела минувших дней. Чуть повзрослев, я стал воспринимать эту историю смешной: ну о чем может идти речь, что может сделать стайка подростков на улице против наступающей армии вермахта? Камнями в них покидать разве что. Но когда я стал работать над своей книгой, общаться с волонтерами, которые пошли работать в «красную зону», я вдруг понял, как же я ошибался, смеясь над историей моего дедушки. Эта история — не дела минувших дней, это реальности сегодняшнего дня. А уж о том, что могут противопоставить дети идущему на них танку, — и говорить не приходится. Общение с волонтерами убедило меня в том, что могут, и еще как могут. Потому что камень, брошенный этой детской отчаянной ручкой, вдруг каким-то чудесным образом оказывается намного сильнее любой гранаты, мины, бомбы. И танку точно несдобровать. Я бы даже сказал, что победа русского народа в Великой Отечественной войне во многом состоялась именно благодаря этой детской ручке. К сожалению, чтобы понять это, мне потребовались годы. И если бы не моя встреча с волонтерами, не погружение в их жизнь и деятельность, боюсь, осознание этих важнейших, фундаментальных вещей так и не пришло бы ко мне.

Волонтер — это не хобби, это не профессия. Волонтер — это не способ проводить свободное время. Волонтер — это видение мира, способ взаимодействия со вселенной. Это когда ты не ставишь перед собой вопрос «как?» просто потому, что у тебя есть четкое понимание «зачем». Слово «волонтер» — производное от латинского *voluntas* — воля, то есть волонтер — это каждый, кто навязывает свою волю внешним обстоятельствам. Волонтер — это всегда «вопреки». Тут нет места оправданиям, поправкам

на «не могу», «это очень сложно» и «что я один-то могу сделать?», тут есть только идея сделать этот мир лучше. Волонтер — это форма счастья. Когда ты все свои внутренние принципы и убеждения проецируешь на мир внешний. Условно ты уверен, что брошенные животные — это ужасно, ты берешь и открываешь приют. Считаешь, что дети-сироты лишены любви, — едешь в детский дом и купаешь им целый мешок сладостей. Считаешь, что мусорить плохо, — берешь и в вагоне метро поднимаешь фантик с пола. Масштаб твоего действия не важен. Важно само действие. Делай то, что тебе по силам. «Делай, что должно, и будь что будет».

Волонтеров и медиков легко узнать. Узнать по глазам. Они дарят надежду. Впрочем, узнать их дано не каждому. Большинство пройдет мимо и не отличит их из толпы. Узнают их, как правило, только те, у кого нет никакой надежды. Не плохие, а несчастные. И то на время своего несчастья. Потом в большинстве случаев предпочитают забыть. Помните, как в разгар пандемии вдруг по городу стали появляться плакаты, рассказывающие о врачах и волонтерах? Спрашивается, а раньше-то почему их не было? Почему раньше там висела щедро оплаченная реклама? Что, раньше никто не болел, не умирал, не страдал? Пройдет пандемия, и снова на билбордах появятся селебрити со своими голливудскими искусственными улыбками, советующие нам купить превосходную бытовую технику, а портреты врачей и волонтеров снимут. До когда-нибудь. И если так произойдет, то можно сказать, что мы ровным счетом ничего не поняли, ничему не научились в это страшное время пандемии. Мы просто перетерпели, чтобы вернуться к такой же беззаботной, разухабистой жизни, какая была прежде; мы остались такими же, не став сильнее. И это фактически означает, что мы обречены. Если из такой катастрофы,

из такого страшного события, как пандемия коронавируса, мы не сделали выводов для изменения наших жизней — значит, этот пир во время чумы будет продолжаться и дальше. И вся наша история, весь этот так называемый прогресс, все шедевры мирового искусства и литературы — вообще всё! — было зря. Ведь мы все равно потонем в пучине собственного жирного и счастливого потребления. И именно чтобы остановить это движение поезда под откос, я решил писать эту книгу. Потому что вдруг понял, что я тоже волонтер. От литературы. Каждый делает, что может. Я могу писать, это мое оружие, мой камешек, который я хочу бросить в надвигающийся фашистский танк. И я примкну к тысячам тех, кто пошел на фронт защищать жизнь от смерти. И буду делать то, что я умею, пытаюсь изменить мир к лучшему.

Может быть, кто-то, прочитав, обвинит меня в излишних пафосе и патетичности. Это ваше право. Я никому не хочу навязывать свою точку зрения, свое понимание. Но, пообщавшись с большим количеством людей из многих регионов России, узнав о подвиге, который они совершают каждый день, я вижу ситуацию ровно так, как описал. Моими собеседниками были не какие-то идейные студенты, у которых много свободного времени и свойственный юношеству идеализм. Вовсе нет. На страницах этой книги вы найдете интервью с абсолютно разными людьми, решившими пойти добровольцами, — от директора по развитию гигантской госкорпорации «Росатом» до простой женщины, работающей маляром на заводе, от десятиклассницы, покупающей продукты бабушке на свои деньги, до взрослого мужчины, пережившего катастрофу. Здесь все без исключения.

И знаете, об этих людях никто никогда не расскажет. Они мало кому интересны. Многие газеты, например, писали о том, что кто-то из отечественных звезд немного приобщился к волонтерству, надев защитные костюмы и разнося продукты с сопровождающей их толпой профессиональных фотографов, но о самых простых, обычных людях не пишут. Они неинтересны. По крайней мере, так считают в редакциях средств массовой информации. И это еще один повод, почему я был обязан написать эту книгу, — мне надо было рассказать как можно большему количеству людей об этих «заклятых добровольцах», которые не могут жить иначе.

Книга, которую вы держите в руках, не про «удивительные истории удивительных людей». Здесь вы не найдете ни смешных медицинских баек, ни захватывающих дух экшн-историй. Здесь вы найдете жизнь. Таковую, какая она есть. Может быть, скучную, может, трагичную, может, рутинную. Это неважно. Все описанное — правда. И, на мой взгляд, как раз это и есть основная ее ценность. Мне очень хотелось по мере сил и таланта погрузить своего читателя во все, что я увидел своими глазами, в жизнь врачей и волонтеров. Поэтому важно было сохранить голос каждого, постараться передать особенности его речи, мышления, тембр голоса, ширину спектра произносимых междометий. Наверное, с точки зрения «литературности» книга не выдержит никакой критики. Но, как я уже сказал, я и не считаю себя писателем — мне намного важнее приобщить читателя к миру, который я сам для себя открыл, нежели удивить его красотой литературного слога и изысканностью синтаксиса. Насколько хорошо это получилось — судить вам.

Один из моих собеседников, которого я интервьюировал, сказал мне, описывая «красную зону»: «Отсюда не возвращаются тем путем, которым приходят».